

на правах рукописи

РУДЬ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

**РИТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ
ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI В.**

Специальность 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2024

Диссертация выполнена в отделе этнографии Сибири Федерального государственного бюджетного учреждения науки Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)

Научный руководитель:

Первалова Елена Валерьевна, д.и.н., главный научный сотрудник Центра Арктических исследований, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)

Официальные оппоненты:

Мартынова Елена Петровна, д.и.н., профессор кафедры истории и археологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого (г. Тула)

Пивнева Елена Анатольевна, к.и.н., ведущий научный сотрудник, заведующая отделом Севера и Сибири, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (г. Москва)

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург)

Защита диссертации состоится «30» мая 2024 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета 24.1.169.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и на сайте www.kunstkamera.ru.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Т.С. Киссер

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Одним из мощнейших очагов «нефтяной цивилизации» Западной Сибири, начиная с 1960-х гг., было Среднее Приобье. На его территорию пришла главная техногенная и антропогенная нагрузка, связанная с развитием нефтегазового комплекса, строительства инфраструктуры и крупных городов Югры. Издавна населяющие территорию Средней Оби восточные ханты¹ уже семьдесят лет делят традиционные места проживания и хозяйственной деятельности с промышленными компаниями. Вызванные масштабным внешним воздействием изменения жизненного уклада не могли не затронуть духовную составляющую культуры коренного населения. В настоящее время на фоне усиления процессов глобализации у восточных хантов наблюдается ослабление традиций и ускоряются процессы трансформации многих элементов традиционной культуры. Наиболее уязвимыми остаются нематериальные компоненты культуры – фольклор, традиционные верования, ритуалы и обычаи.

Традиционные верования и связанные с ними ритуалы – одна из основ, обеспечивавших функционирование и воспроизводство культуры коренного малочисленного населения Западной Сибири. Во многом благодаря им и через них осуществляется социальное взаимодействие внутри этнических сообществ, регламентируются брачные отношения, регулируется хозяйственная деятельность и другие аспекты жизни. Места отправления ритуалов – сакральные ландшафты, святилища, ритуальные площадки, культовые объекты – остаются материальным воплощением традиционных верований.

Несмотря на мощное внешнее воздействие, о Среднем Приобье и сегодня можно говорить, как о территории, обладающей значительным этнокультурным ресурсом. У восточных хантов наблюдается сохранность ритуальной и устной традиций, известны действующие святилища, большинство из которых связано с мифологическими представлениями и традиционными культурами. Нередко именно традиционные верования и ритуалы выступают практиками, позволяющими этим сообществам преодолевать кризисы.

¹ По этнографической классификации, обские угры, проживающие в Среднем Приобье, относятся к восточной этнографической группе (восточным хантам). Языковые говоры восточных хантов причисляются к восточным диалектам хантыйского языка финно-угорской группы уральской языковой семьи. Административно восточные ханты относятся к Сургутскому, Нижневартовскому и Нефтеюганскому районам ХМАО–Югры, Уватскому району Тюменской области, Александровскому и Каргасокскому районам Томской области. По данным на 2010 г., в границах территории исследования проживало 5306 восточных хантов, из них: 3202 человека – жители таежных стойбищ, 2204 человека – городское население. В Сургутском районе ханты составляли 2,6 % от общего числа жителей района, в Нижневартовском районе – 5,6 %, в Нефтеюганском районе – менее 2%.

С 1990-х гг. традиционное природопользование коренных жителей в ХМАО–Югре регламентировалось региональными правовыми актами: положением о статусе родовых угодий (1992) и законом о территориях традиционного природопользования (2006). В условиях общегосударственной и окружной политики, направленной на поддержку традиционного образа жизни, активизировался процесс возрождения ритуальных практик. Актуальной повесткой стало сохранение культовых объектов – «мест совершения религиозных обрядов» восточных хантов в качестве объектов культурного наследия РФ.

Изучение, поддержание и восстановление культовых объектов – путь сохранения традиций коренного населения ХМАО–Югры, обеспечения безопасности этнокультурного наследия, гармонизации межэтнического диалога и укрепления региональной идентичности. Отметим, что, несмотря на существование федеральных [Закон № 73-ФЗ, 2002] и региональных законов [Закон № 92-ОЗ, 2005], в процедуре постановки под государственную охрану культовых объектов остаются дискуссионные вопросы в части определения их границ и предмета охраны, а также режимов сохранения и использования.

Степень научной разработанности темы

В истории изучения духовной культуры восточных хантов выделяются досоветский, советский и современный этапы.

Досоветский этап исследований (конец XIX в. – начало 1920-х гг.) характеризуется изучением традиционной культуры восточных хантов как отечественными, так и зарубежными учёными. Отправной точкой послужила обобщающая трехтомная работа К.Ф. Карьялайнена «Религия Югорских народов» [1994, 1995, 1996]. Разработанная им классификация сверхъестественных существ («духов» и «демонов»), типология культовых объектов, описание и анализ традиционных обрядов, шаманства и магии не потеряли свою актуальность и в настоящее время. Еще одной важной работой рубежа XIX–XX вв. стало трехтомное исследование А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север» [1995, 1996], содержащее сведения о святилищах и обрядах хантов Среднего Приобья, и попытку классификации ритуалов обских угров. Многие упомянутые Карьялайненом и Дунином-Горкавичем персонажи и святилища реконструируются в современных представлениях восточных хантов.

Советский этап (начало 1920-х – конец 1980-х гг.) – продолжение работы по сбору и осмыслению материалов о мировоззрении восточных хантов российскими исследователями. В первой половине XX в. вышли публикации Р.П. Митусовой [1926а, 1926б], содержащие сведения о духовной культуре хантов Агана и Тромъегана. В это же время выходит монография М.Б. Шатилова, посвященная культуре ваховских хантов [1931]. Крупные исследования

духовной культуры восточных хантов были проведены в 1950-х – 1980-х гг., и связаны они с именами З.П. Соколовой [1975, 1983, 2009, 2012], В.М. Кулемзина [1976, 1977, 1984, 1992, 1996, 2000, 2004] и Н.В. Лукиной [1977, 1990, 2016]. Их научные изыскания, посвященные традиционной картине мира, божествам и духам, культовым объектам, магии и шаманству восточных хантов, представляют особую значимость в связи с тем, что материалы, послужившие основой для их написания, были собраны до промышленного освоения Среднего Приобья.

Современный этап исследований (конец 1980-х гг. – по настоящее время) духовной культуры восточных хантов осуществляется в русле методологического разнообразия. Основное внимание отечественных учёных уделяется исчезающим формам традиционной культуры, предметом исследований становятся актуальные проблемы современности: влияние промышленного освоения на традиционное мировоззрение хантов, воздействие технической и информационной революции, миссионерская деятельность неопротестантов, сохранение культовых объектов в условиях скачка индустриального развития региона.

В конце 1980-х – начале 2000-х гг. появляется значительный массив этнографических исследований, содержащих разные по объёму и глубине анализа материалы по духовной культуре обских угров и восточных хантов, в их числе работы В.Н. Адаева [2005, 2007, 2011, 2013, 2019], А.А. Богордаевой [2000], Э. Вигета и О.Э. Балалаевой [1999, 2001, 2002, 2007, 2011, 2014, 2019], Е.М. Главацкой [1999, 2002, 2005], А.В. Головнёва [1993, 1995, 2014, 2021], Е.Н. Даниловой [2018, 2019, 2020], Ш. Дудека [2017, 2022], П. Джордана [2003, 2005], А.П. Зенько [1997], И.А. Карапетовой [2000, 2016], В.П. Ключевой [2012, 2013], В.М. Кулемзина [1976, 1977, 1984, 1992, 1996, 2004], Н.В. Лукиной [1976, 1977, 2004, 2016], Е.П. Мартыновой [1998, 2000, 2002, 2021, 2022], З. Надя [2011], Е.В. Переваловой [2006, 2020], А.С. Песиковой [2002, 2016], Е.А. Пивневой [2011, 2019, 2020, 2022], О.М. Рындиной [2014, 2015], Е.Г. Фёдоровой [2000], К.А. Сагалаева [2019, 2020, 2021], Г.Х. Самигулова [2011], З.П. Соколовой [1971, 1976, 1983, 1991, 2009, 2012], В.И. Сподиной [2011], О.В. Стародубовой [2012] и др.

Фундаментальной работой этого периода стала монография А.В. Головнёва «Говорящие культуры» [1995]. Впервые традиционные культуры самодийцев и обских угров были рассмотрены как единый социокультурный организм, в котором её материальная и духовная составляющие неразрывны и представлены в разных исторических экскурсах, через традиционный календарь, восприятие пространства и времени. Работа включает обширные аналитические характеристики мировоззрения и пантеона божеств. Особого вни-

мания заслуживает герменевтический подход в интерпретации фольклора, позволивший раскрыть значение символов традиционных культур.

К наиболее значимым работам следует отнести также изыскания Э. Вигета и О.Э. Балалаевой. Их научные интересы перекликаются с проблематикой диссертации: типология культовых объектов восточных хантов [Балалаева 1999, 2002], влияние промышленного освоения на традиционную культуру и верования [Вигет 1999, 2002], коллективные жертвоприношения, деятельность евангельских баптистов и харизматов-пятидесятников среди хантов, пантеон божеств, трансформация культуры [Вигет, Балалаева 2001, 2007, 2011, 2014].

Важной вехой в историографии современного этапа исследований стало переиздание русскоязычных публикаций середины XIX – начала XX в., а также переводы на русский язык публикаций зарубежных исследователей конца XIX – начала XX в. (К.Ф. Карьялайнена, У.Т. Сирелиуса, Т. Лехтисало, Ф.Р. Мартина). Наибольший вклад в эту работу был внесён Н.В. Лукиной. На рубеже XX–XXI вв. появляются исследования ученых из числа коренных жителей, характеризующиеся эмным подходом. В работах А.С. Песиковой рассмотрены мировоззренческие аспекты традиционной культуры сургутских хантов [2006]. Необходимо отметить также вклад исследовательницы в сбор и перевод фольклора [Песикова 2002; Песикова, Чепреги 2015].

Объектом исследования является духовная культура восточных хантов.

Предмет исследования – трансформация традиционной картины мира, верований, ритуалов и культовых объектов восточных хантов.

Цель – анализ и оценка процессов трансформации традиционного мировоззрения, верований, ритуалов и функционирования культовых объектов восточных хантов в конце XIX – начале XXI в.

Для ее достижения были поставлены следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать сложившийся к настоящему времени восточно-хантыйский пантеон божеств (с выделением особенностей для правобережья и левобережья Оби).

2. Выявить изменения в сфере традиционных обрядов и культовых объектов восточных хантов в рассматриваемый период.

3. Определить факторы внешнего воздействия на духовную культуру восточных хантов и рассмотреть механизмы трансформации традиционного мировоззрения, обрядов и культовых объектов.

4. Проанализировать адаптационные стратегии восточных хантов в сохранении традиционных верований.

5. Дать оценку функционированию культовых объектов восточных хантов в условиях промышленного освоения Среднего Приобья и предложить практические рекомендации по их сохранению.

Хронологические рамки исследования ограничены концом XIX – началом XXI в. Наиболее ранние сведения о духовной культуре восточных хантов содержатся в материалах исследований с середины XIX в., в конце XIX в. появляются публикации, в которых предметом изучения становятся непосредственно традиционные верования восточных хантов. К началу XXI в. был накоплен значительный материал о духовной культуре хантов Среднего Приобья, позволяющий оценить изменения традиционных верований и ритуалов в обозначенный период.

Территориальные рамки исследования определяются бассейнами рек Среднего Приобья – Лямин, Пим, Аган, Тромъеган (обское правобережье), Большой и Малый Юган, Большой Салым (обское левобережье), а также р. Демьянка (правый приток р. Иртыш) – западный и центральный ареалы проживания восточных хантов. В обозначенных границах проживают юганские (*яун ях*), пимские (*пин ях*), тромъеганские (*торум яун ях*) и аганские (*охэң ях*) ханты. Юганские ханты, помимо бассейна р. Большой Юган, населяют верхнее течение р. Большой Салым, верхнее и среднее течение р. Демьянка. Ограничение исследования Средним Приобьем обусловлено устойчивыми связями между перечисленными группами восточных хантов. В исследование не вошла самая восточная группа – ваховские и васюганские ханты, развитие культуры которых шло относительно обособленно.

Важно также отметить, что по пойме Оби Среднего Приобья пролегает полоса сплошного промышленного освоения, где хантыйское население, ведущее традиционный образ жизни, отсутствует. По этим причинам контакты хантов правобережья и левобережья Оби сократились и носят эпизодический характер.

Методология исследования

Дефиниции термина «ритуал», как и его функции, рассматривались представителями различных направлений антропологии, этнологии и социологии, начиная с середины XIX в., в связи с чем, термин имеет широкое сематическое поле и используется в разных значениях. В диссертации термин «ритуал» используется в определении В. Тэрнера, подчеркивавшего его коммуникативную природу [1993]. В аналогичном ракурсе – как средство взаимодействия между священным и профанным мирами – рассматривал ритуалы жертвоприношения М. Мосс [2000, 2011]. А.К. Байбурун отмечал, что в ритуале воспроизводится «особо хранимая часть памяти архаического общества», к ней относятся темы творения мира, установления различного рода правил и схем, систем родства и брачных отношений [1993]. Ритуал жертво-

приношения у народов Сибири был предметом исследований Е.С. Новик [2004], которая отмечала его тесную взаимосвязь с концепциями дарообмена и жертвоприношения М. Мосса. Исследования реципрокных отношений между человеком и духами через ритуал жертвоприношения у обских угров были проведены Е.П. Мартыновой [2021, 2022].

Термин «традиция» («традиционная культура») охватывает большой круг социальных явлений. В диссертации традиционными называются компоненты духовной и материальной культуры, распространённые у восточных хантов до промышленного освоения Среднего Приобья. Мы также отталкиваемся от рассуждений С.А. Арутюнова, что традиция наряду с врожденными навыками составляет «одну из основ существования и воспроизводства сообществ», и «любая традиция – это бывшая инновация, а инновация в потенциции будущая традиция» [1989]. Используемые в диссертации термины «культурный объект» («святилище», «священное место») синонимичны понятию «сакральный ландшафт» [Воловик 2013], являющегося составной частью культурного ландшафта [Кулешова 2002].

В диссертационной работе использованы *типологический* и *сравнительно-исторический* методологические подходы, дающие возможность систематизации культовых объектов и традиционных ритуалов по их социальной значимости и всесторонней качественной оценки трансформации традиционных представлений восточных хантов.

Опорными для решения исследовательских задач стали методологические разработки А.В. Головнёва, в которых ритуальные практики самодийцев и угров рассматриваются как неотъемлемая часть материальной, экологической, нормативной и духовной сфер человека (квадрат культур) [1995]. В оценке адаптационного потенциала культуры восточных хантов в работе использованы предложенные Головнёвым концепции «локальных и магистральных культур» [2009а] и «дрейфа этничности» [2009б].

В изучении характера коммуникаций между божествами и человеком была использована концепция М. Салинза о реципрокных отношениях в традиционных обществах [1999]. При анализе схемы циркуляции даров между человеком и божествами у восточных хантов сравнительной базой выступила концепция Б. Малиновского [2004] о структуре и функциях института *кула* у народов Океании. При раскрытии значения коллективного жертвоприношения в культуре восточных хантов использована концепция «главного ритуала» А.К. Байбурина [1993]. Для оценки трансформации традиционного мировоззрения и верований восточных хантов был применен подход В. П. Козырькова, основанный на концепции конструктивной, деструктивной и стагнационной трансформации культуры [2003].

В процессе сбора материалов автором использовались методы полевой этнографии: наблюдение, интервью, картографирование и метод визуальной антропологии. При натурном обследовании культовых объектов за основу был взят распространённый в археологии метод планиграфической фиксации.

Источниковая база

При работе над диссертацией было привлечено несколько видов источников, в совокупности дающих возможность рассмотреть ход трансформации ритуальных практик восточных хантов на протяжении, по крайней мере, полутора столетий, а также позволяющих сделать заключение о степени сохранности культовых объектов и выявить механизмы адаптации традиционных верований к современным условиям.

Одним из основных источников послужили полевые материалы автора, полученные в ходе экспедиций к восточным хантам (рр. Аган, Тромъеган, Пим, Лямин, Большой Юган, Демьянка) в 2002–2023 гг. Они представлены полевыми дневниками (64 ед.); аудиозаписями интервью с информантами; видеозаписями (около 200 часов), включающими описание-презентацию культовых объектов, традиционных ритуалов и обрядов (жертвоприношения, гадания, шаманские камлания, Медвежьи игрища), исполнение фольклора, бытовые сюжеты. Архив автора содержит материалы натурального обследования культовых объектов восточных хантов, в том числе GPS координаты и картографические материалы, фотоиллюстрации культовых объектов, святилищ и проводимых на них обрядов. Натурное изучение включает обследование сакральных ландшафтов, почитаемых всеми восточными хантами (7 объектов) и отдельными территориальными и локальными группами (13 объектов), родовых (14 объектов), поселковых (9 объектов), семейных святилищ и домашних хранилищ культовых предметов.

В работе над диссертацией был привлечен большой пласт материалов по этнографии народов Западной Сибири. Важным источником для ретроспективных построений послужили публикации Г.Ф. Миллера [1998], К.Ф. Карьялайнена [1994, 1995, 1996], А.А. Дунина-Горкавича [1995, 1996], У.Т. Сирелиуса [2001], Ф. Мартина [2004], Т. Лехтисало [1998], Р.П. Митусовой [1926], М.Б. Шатилова [1931], а также описания божественных пантеонов и ритуальных практик в работах современных отечественных и зарубежных исследователей культуры восточных хантов. При разработке отдельных вопросов в качестве сравнительных материалов использовались данные по духовной культуре северных хантов и манси, представленные в работах И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева, А.В. Бауло [1986, 1999], Е.Г. Фёдоровой [2000, 2010, 2014], С.А. Поповой [2003, 2008], Переваловой [2004, 2019].

Базовыми для исследования стали федеральные и региональные законы и нормативно-правовые акты, связанные с сохранением культурного и природ-

ного наследия СССР, РСФСР, РФ и ХМАО–Югры. Помимо этого, при работе над диссертацией автор обращался к федеральным и региональным нормативно-правовым актам, регулирующим права коренных малочисленных народов РФ и ХМАО–Югры.

В исследовании использованы архивные материалы научно-производственных учреждений Урала и Западной Сибири: Архива кабинета археологии Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории Уральского государственного университета, Екатеринбург; Архива ООО Научно-аналитический центр «АВКОМ-Наследие», Екатеринбург; Архива Ассоциации «Северная Археология», Екатеринбург; Архива Института проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Тюмень; Библиотечно-информационный историко-культурный фонда Сургутского района, Сургут; Архива ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1», г. Нефтеюганск; Архива Автономного учреждения ХМАО–Югры «Центр охраны культурного наследия», Ханты-Мансийск. Это отчеты об этнографических и археологических изысканиях, проводившихся на территории Среднего Приобья, начиная с 1970-х гг. Они содержат материальные характеристики культовых объектов и сведения о их архитектурно-планировочной структуре, фольклорные сюжеты и информацию о традиционных ритуалах восточных хантов. В работе также использованы опубликованные документы первой половины XX в. Государственного архива Тюменской области.

Для общей характеристики восточных хантов использовались статистические данные, в том числе материалы Всероссийской переписи населения 2010 г. и ведомственной отраслевой статистикой по основным направлениям жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера в ХМАО–Югре за 2010 и 2020 гг. Для решения конкретных вопросов активно привлекались данные археологии, лингвистики, фольклористики.

Научная новизна

Собранные у восточных хантов в ходе целенаправленных экспедиционных исследований в 1997–2023 гг. в купе с опубликованными и архивными источниками позволили автору обратиться к рассмотрению ряда классических для этнографии тем, таких как духовная культура, мировоззрение, культовые объекты у восточных хантов. Новизна исследования состоит в комплексном изучении духовной культуры восточных хантов с акцентом на таких слабоизученных вопросах как: (1) коммуникативная природа ритуалов жертвоприношения; (2) типы дарообмена между человеком и божествами, (3) схема циркуляции даров, участвующих в ритуале жертвоприношения, (4) функции личных божеств-покровителей человека.

Любая культура, будучи живым социальным организмом, непрерывно подвержена трансформациям, исходящим из внутреннего потенциала и разветвляющимся под влиянием внешних факторов и причин. В последние три десятилетия в связи с масштабной индустриализацией и урбанизацией Западной Сибири изменения, затронувшие традиционные культуры региона, приняли лавинообразный характер. В этой связи изучение трансформации ритуалов и мировоззрения восточных хантов, выявление стратегий адаптации традиционной духовной культуры, поиск подходов по сохранению культовых объектов и сакральных ландшафтов в быстро меняющемся XXI в. является одновременно и новым, и актуальным.

В исследовании предлагается новое понимание актуальных проблем современности, затрагивающих вопросы сохранения сакральных ландшафтов в условиях урбанизации и индустриализации Среднего Приобья. Представлены точки зрения промышленных компаний и коренных жителей на варианты решения конфликтных ситуаций, возникающих при хозяйственном освоении сакральных ландшафтов.

В диссертации впервые обозначены дискуссионные вопросы правовой базы в сфере государственной охраны культовых объектов коренного населения ХМАО–Югры, представлены примеры сохранения сакральных ландшафтов и авторские разработки в части обоснования предмета охраны и границ территории святилищ.

Положения, выносимые на защиту

1. На протяжении периода исследований у восточных хантов сохранялись трехчастная модель мира, иерархия пантеона божеств, деление сверхъестественных персонажей на две категории – божества и духи. В пантеоне божеств наблюдаются локальные особенности: в правобережье Оби важное место занимали божества-покровители оленеводства, в левобережье значимая роль принадлежала божествам-покровителям охотничьих промыслов. Исторические процессы, миграции этнических групп, взаимодействие с православием сопровождалось появлением в местном пантеоне новых божеств или наделением новыми характеристиками и функциями старых персонажей.

2. Большинство традиционных ритуалов жертвоприношения, распространённых у восточных хантов на рубеже XIX–XX вв., сохраняются до настоящего времени. Эти обряды продолжают выполнять социализирующие и интегрирующие функции. В основе традиционных жертвоприношений, согласующихся с концепцией дарообмена М. Мосса [2011], лежат реципрокные отношения между миром людей и миром божеств [Мартынова 2021, 2022]. В структуре ритуалов жертвоприношения восточных хантов выявлено ряд схем обмена дарами: между человеком и божествами, между божествами посредством человека, между людьми посредством божеств. Некоторые из них

обнаруживают аналогии с институтом *кула*, описанным столетие назад Б. Малиновским у жителей Океании [2004]. Ритуалы восточных хантов сохраняют свою архаичность, что проявляется в их структуре, характере даров, а также в отсутствии элементов игры и ограничении категории зрителей. Наиболее важную культуровоспроизводящую функцию выполняют коллективные жертвоприношения *мыр*, имеющие характеристики «главного ритуала» культуры [Байбурин 1993], а также обряды жизненного цикла на родовых и поселковых святилищах. Зафиксирована дифференциация традиционных ритуалов по социальной значимости на важные для территориальной группы, родовые, поселковые, семейные, индивидуальные. Их отправляют в соответствующих по значимости культовых объектах, которые могут быть представлены сакральными ландшафтами с расположенными в их границах ритуальными площадками и культовыми постройками.

3. На протяжении всего периода исследований у восточных хантов сохранилась категория людей (хранители традиций, шаманы), контактирующих с божествами и духами не только посредством ритуалов жертвоприношения, но и путём традиционных гаданий, шаманских камланий и нанесения вредоносной магии. Каждый из обрядов является инструментом коммуникаций между миром человека и миром божеств и духов, регулирует актуальные аспекты взаимоотношений между акторами разных миров хантыйского Космоса. В перечисленных выше обрядах, фиксируемых в основном у хантов правобережья Среднего Приобья, наблюдается непрерывность традиции.

4. Ритуальные практики и культовые объекты восточных хантов на протяжении исследуемого периода претерпели ряд изменений. В картине мира наблюдается перемещение персонажей из горизонтальной модели в вертикальную, а также появление в пантеоне божеств восточных хантов новых фигур. На традиционно персонифицированных святилищах местных божеств могут отправлять жертвоприношения в адрес других божеств пантеона. В обрядах жертвоприношений наблюдаются сокращение традиционных подношений в пользу увеличения доли покупных даров, замена жертвенных животных их символическими изображениями, фиксируются уменьшение частоты проведения ритуалов и снижение числа их участников, происходит изменение в структуре участников в пользу городского населения, появляется категория зрителей.

5. Начиная с 1960-х гг., главным фактором внешнего воздействия на ритуальные практики и культовые объекты восточных хантов, бытование которых тесно связано с традиционным природопользованием, было развитие нефтегазового комплекса, строительство городов и инфраструктуры. В последние 25 лет важными факторами влияния на традиционные верования коренного населения стали переход части носителей традиции в неопротестант-

ское вероисповедание, тесные контакты с жителями городов (представителями местных властей, журналистами, научного сообщества), глобальная технологизация и цифровизация повседневной жизни.

6. Вместе с тем традиционная духовная культура адаптируется к условиям тесного взаимодействия с современностью. Эти процессы можно усмотреть в функционировании культовых объектов после их повреждения пожарами, в переносе изображений божеств со святилищ на стойбища, в возрождении ритуальной активности на оставленных сакральных ландшафтах. Для хантов, проживающих в городе, формой адаптации является отправление традиционных ритуалов в квартирах или в экспозиционном пространстве музеев. Однако в силу трансформации мировоззрения и переоценки значимости традиционных верований самими восточными хантами, существует опасность десакрализации ландшафтов носителями культуры, что может привести к их отчуждению под промышленное освоение. Одним из практических решений проблемы может выступать коллективное участие в работе над проектами по сохранению культовых объектов профессиональных экспертов-этнологов, коренных жителей и общественных представителей традиционных сообществ, местных властей, промышленных компаний, журналистов.

7. В вопросе сохранения культовых объектов до последнего времени наиболее эффективным инструментом являлось законодательство РФ в сфере охраны материального культурного наследия. К началу XXI века в ХМАО–Югре сложилась система государственной охраны культовых объектов, которая заключалась в определении историко-культурной значимости сакрального ландшафта, его границ и предмета охраны. В процессе исследования установлен ряд материальных предметов, которые рассматриваются в качестве артефактов подлежащих сохранению на святилищах, также предложены принципы определения границ территории культового объекта.

Теоретическая и практическая значимость

Диссертационная работа посвящена анализу и оценке процессов трансформации традиционного мировоззрения, верований, ритуалов и функционирования культовых объектов восточных хантов в период с конца XIX по начало XXI веков. Особое внимание уделено современным проблемам сохранения культовых объектов коренного населения Западной Сибири. Используемые в работе подходы и выводы могут быть использованы при изучении традиционных ритуалов и культовых объектов, проблем трансформации и адаптации традиционных культур, а также в кросс-культурных исследованиях.

Практическое применение имеют также разработки диссертанта в области сохранения культовых объектов восточных хантов, в первую очередь – определение предмета охраны и границ территории культовых объектов как объ-

ектов культурного наследия РФ. Инструментальные планы действующих культовых объектов, с выделением их функциональных зон, позволяют по-новому увидеть проблему археологических реконструкций древних святилищ. Предлагаемые в работе практические рекомендации направлены на минимизацию негативного воздействия на сакральные ландшафты и обеспечение сохранности объектов культурного наследия – действующих святилищ. Принципы обоснования историко-культурной ценности культовых объектов восточных хантов могут быть использованы при решении аналогичных задач в других регионах Западной Сибири и РФ с учётом локальной и этнокультурной специфики.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется направленностью на обеспечение устойчивого развития культуры коренного населения в условиях промышленного освоения, сохранение и популяризацию этнокультурного потенциала восточных хантов. Материалы диссертации могут быть полезны для работников государственных структур, общественных организаций, строительных и промышленных предприятий, чья деятельность связана с местами проживания коренного населения. На основании предложенных в диссертации практических наработок в сфере сохранения культовых объектов можно прогнозировать и корректировать конфликтные ситуации, возникающие в ходе промышленного освоения территорий проживания коренных жителей, выявлять пути нейтрализации социальной и межэтнической напряженности.

Материалы диссертации могут быть востребованы в лекционных курсах и при создании музейных экспозиций.

Апробация и степень достоверности исследования

Степень достоверности диссертации подтверждается вводом в научный оборот большого объема нового историко-этнографического и визуально-антропологического материала, в том числе собранного автором в ходе многолетних полевых исследований. Одним из принципов оценки достоверности полученных от информантов сведений выступала культурная, территориальная, социальная, временная близость информанта к описываемым им фактам или событиям. Критерием достоверности являлось также подтверждение полученных от информантов сведений исследованиями других учёных.

Авторские наработки о предмете охраны и границах культовых объектов были использованы в обосновании историко-культурной ценности 64 культовых объектов хантов Сургутского района (2005; 2007); в разработке 3 проектов зон охраны культовых объектов хантов Сургутского района (2006; 2010); в обосновании проекта зон охраны комплекса объектов историко-культурного наследия в южной части Тевлино-Русскинского месторождения нефти в Сургутском районе (2007); при обследовании состояния

14 культовых объектов, описания их предмета охраны и установления границ на территории Сургутского района с целью постановки под государственную охрану (2010; 2012; 2014; 2015); в общественных обсуждениях этих проектов (2012; 2015). Все обследованные культовые объекты прошли государственную историко-культурную экспертизу и получили правовой статус объектов культурного наследия РФ (достопримечательных мест). В 2022 г. эта же методика применялась автором совместно с В.Н. Адаевым при обосновании предмета охраны, границ и историко-культурной ценности 4 культовых объектов гданских ненцев, расположенных в Тазовском ЯНАО.

Результаты исследования изложены в докладах на всероссийских и зарубежных конференциях, форумах, конгрессах, научных семинарах: Конгресс антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2015; Ижевск, 2017; Казань, 2019; Томск, 2021; Санкт-Петербург, 2023); Международный Северный археологический конгресс (Ханты-Мансийск, 2015, 2019); Международная конференция «Сибирские чтения» (Санкт-Петербург, 2019, 2022); Международный форум «Многонациональная Россия: этнология и киноантропология» (Екатеринбург, 2008, 2011); VIII Российский фестиваль антропологических фильмов (Екатеринбург, 2013); Международная конференция «Protecting the Sacred: Recognition of Sacred Sites of Indigenous Peoples for Sustaining Nature and Culture in Northern and Arctic Regions» (Финляндия, Рованиemi, 2013); VI Международная конференция «Экология древних и традиционных обществ» (Тюмень, 2020 г.); Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Пермистика XV (Ижевск, 2014); Первая межрегиональная ассамблея «Актуально о музейном» (Сургут, 2018); Научно-практическая конференция «Проблемы сохранения и использования культурного наследия ХМАО–Югры» (Ханты-Мансийск, 2009).

Отдельные положения диссертации представлены в 26 публикациях (в том числе, в 5 публикациях в журналах, входящих в перечень ВАК, в 4-х публикациях, входящих в Scopus, и в коллективной монографии, индексируемой в базе Web of Science).

Структура диссертации

Диссертационное сочинение включает введение, пять глав, разделенных на параграфы, заключение, список источников, текстовое и графическое приложения (в том числе иллюстрации).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены цели, задачи, хронологические и территориальные границы исследования, охарактеризованы источники, методология и методы работы, определены ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Глава 1 «Традиционные представления о божествах и духах», включающая шесть параграфов, содержит исходную характеристику традиционных верований восточных хантов. В ней представлены божества, духи и другие сверхъестественные существа, определены их основные функции. В параграфе *«Терминология обозначения сверхъестественных существ»* раскрывается проблема терминологии и дифференциации сверхъестественных существ, которых автор разделяет на две категории – «божества» (*лункэт*) и «духи». Главные различия между двумя категориями заключаются в том, что божества имеют личные имена, у категории духов они отсутствуют, в адрес божеств отправляются разного рода жертвоприношения, а духи, как правило, остаются недариваемыми фигурами.

В параграфе *«Модели мироустройства и структура родства»* рассмотрены представления восточных хантов о Космосе. Установлено, что на протяжении исследуемого периода в вертикальной модели мира сохранялось трехчастное деление на Верхний, Нижний и Средний мир. Структурирующей осью горизонтальной модели мира служила река Обь. Ее верховья представляются местами обитания персонажей Верхнего мира, низовья – божеств Нижнего мира, а среднее течение – человека.

В параграфе *«Пантеон божеств»* даны характеристики божеств-лунк. Во главе пантеона стоит создатель хантыйского Космоса *Торум*. Его детьми считаются братья-антагонисты *Кон Ики* и *Кынь Ики*. Первый, наделенный положительными чертами — смотрящий за соблюдением миропорядка, выступает посредником между богом-творцом и людьми. Второй является главной фигурой Нижнего мира и имеет негативные характеристики. В круг детей *Торума* входят покровители крупных обских притоков. К значимым фигурам верховного пантеона относятся божества, отвечающие за жизненно важные сферы (здоровье, рождение и материнство), ассоциирующиеся с природными объектами (Солнце, Луна) и стихиями (вода, земля, огонь, пожары, гроза), покровительствующие традиционным промыслам (охота, оленеводство, рыболовство). В системах родственных связей верховных божеств разных территориальных групп фиксируются противоречия, что указывает на вариативность пантеона восточных хантов даже в границах рассматриваемой территории.

В параграфе «*Родовые, поселковые божества и духи-покровители локальных ландшафтов*» определяется, что наиболее значимыми общественными структурами восточных хантов были *сир*- и *ях*- взаимосвязи. Общность *сир* выступала регулятором брачных отношений [Кулемзин, Лукина 1976, Мартынова 1998, Перевалова 2006]. Одной из характеристик *ях* было мифологическое родство людей с территорией проживания и ее божеством-покровителем [Кулемзин 1984, Головнёв 1995]. В широком значении *ях* тождественно территориальной группе, проживающей на одном из притоков Оби, и находящейся под патронажем божества-покровителя этой реки. А.В. Головнёв [1991] и Е.П. Мартынова [1998] отмечали у восточных хантов объединения *ныкыт* (кровнородственный коллектив, ведущий родство по мужской линии, проживающий на локальной территории, находящейся под покровительством местного божества). В таком значении *ях* (*ныкыт*) близок к одной из дефиниций рода [см.: Чернецов 1947; Файнберг 1963, Долгих 1967, Крюков 1967]. Поселковые божества, более распространенные на левобережье Оби, выступают патронами жителей поселка, вне зависимости от их принадлежности к *ях* (*ныкыт*) или *сир*. Менее значимые по статусу божества выполняют функции «хозяев» промысловых угодий и локальных ландшафтов. В социальном измерении они могут являться покровителями более мелких, чем *ях*, сообществ – отдельной семьи или группы промысловиков.

В параграфе «*“Чужие” божества в местных пантеонах. Новые персонажи*» рассматриваются примеры появления в пантеоне восточных хантов новых фигур. В отношении некоторых из них сохранились фольклорные сюжеты и собственные имена, указывающие на их чужеродность. У юганских хантов известны случаи, когда поселковые божества «принимали к себе» божеств покинутых людьми населенных пунктов. Факты вхождения чужих божеств в местные пантеоны указывают на миграционные процессы, происходившие в Среднем Приобье, и демонстрируют гибкость традиционных верований восточных хантов.

В параграфе «*Духи, черти, маячки и другие сверхъестественные существа*» представлены характеристики и функции сверхъестественных существ, не входящих в категорию «божества», условно обозначенных автором термином «духи». Будучи существами, незначительно влияющими на жизнь человека, «духи» в своем большинстве являются неодоариваемыми и неперсонафицированными фигурами. Рассмотрены примеры, когда фигуры из категории «духи» (*Вэс, Менк*) посредством жертвоприношений в их адрес приобретали характеристики и функции божеств *лункэт*.

Глава 2 «Культовые объекты и традиционные обряды» состоит из пяти параграфов. В параграфе «*Культовые объекты и движимые предметы*

культы» даны определение и характеристики культовых объектов восточных хантов, которые автор делит на места обитания божеств *йымынг тоги* («священное место», «святилище») и места обитания духов – *атым тохи* («нехорошее место»). При схожести ландшафтных характеристик, основными различиями между территориями обитания божеств и духов является отсутствие на ландшафтах *атым тохи* мест для жертвоприношений. Рассмотрены движимые предметы культа, которые в силу своей уникальности почитаются в качестве божеств или их атрибутов. Установлено, что к настоящему времени у восточных хантов не сложилось единой терминологии и типологии культовых объектов.

В параграфе «Ритуалы жертвоприношения» затронуты реципрокные отношения между человеком и сверхъестественными существами. Характер этих коммуникаций соотнесён со схемой М. Салинза о реципрокных отношениях в традиционных сообществах, основанной на степени социальной дистанции между людьми [1999]. Выявлено, что ритуалы жертвоприношения восточных хантов согласуются с теорией дарообмена М. Мосса [2011]: жертвоприношение выступает даром, адресованным божествам разных рангов от мира людей, с целью ожидания от них содействия человеку в промысле, достатке, здоровье и безопасности. Рассмотрены формальные характеристики традиционных ритуалов с точки зрения их структуры и хронометража, поводов и времени отправления, особенностей даров. Зафиксировано увеличение разнообразия подношений, с одной стороны, и ухудшение их «качества», с другой. Некоторые традиционные дары стали заменяться их символическими изображениями или более доступными покупными продуктами и предметами.

При отправлении жертвоприношения божествам сохранился ритуал отдарка: гости делают подношения божеству, а хранитель культа от его имени дарит гостям что-либо из вещей, хранящихся в культовой постройке. Новые приношения становятся отдарками для будущих посетителей. Полученные дары, могут быть пожертвованы человеком в адрес другого божества. Символический обмен жертвенными тканями у восточных хантов не имеет такой сложной структуры и согласованности, как институт *кула* жителей Океании [Малиновский 2004; Мосс 2011], но обнаруживает с ним аналогичные черты: не имеет экономического характера; наблюдается обязательность дарить, принимать и отдаривать; фиксируется необходимость хранения информации о полученном даре. В процессе исследования ритуалов жертвоприношения был зафиксирован ряд вариантов циркуляции даров: (а) между божествами при посредничестве человека; (б) между человеком и божествами; (в) между людьми при посредничестве божеств; (г) исключение даров из процесса дарообмена.

В параграфе «Участники обрядов» рассмотрен состав участников ритуалов. Он охватывает все возрастные и гендерные группы сообщества. Наблюдается предписанная традицией регламентация действий участников и гендерное распределение ролей. В рамках рассматриваемого периода в традиционных ритуалах восточных хантов фиксируется увеличение числа категории зрителей – людей из другой культурной среды.

В параграфе «Типы обрядов» подробно рассмотрены традиционные ритуалы, сохранившиеся у восточных хантов в настоящее время. Они вписываются в универсальную типологию календарных, переходных и кризисных обрядов. Кроме того, сегодня восточные ханты отмечают православные и светские календарные праздники, которые четко отграничены от традиционных ритуалов по месту и времени. В число календарных обрядов входят жертвоприношения в адрес верховных божеств, божеств-покровителей природных стихий и значимых ландшафтов. Ритуалы перехода сопровождают человека на протяжении всей жизни и маркируют ее этапы: рождение и смерть, изменения семейного и социального статуса. Кризисные ритуалы при необходимости отправляют в любое время: в зависимости от сложившейся ситуации адресатами таких приношений могут быть божества разных сфер и рангов. Необходимость жертвоприношения и божество-адресат определяются путем традиционных гаданий или шаманских камланий, либо благодаря особым знакам божеств.

В параграфе «Коллективное жертвоприношение *мыр*» рассмотрен сохранившийся на правом берегу Оби обряд, имеющий характеристики главного ритуала культуры. *Мыр* содержит символические действия, которые можно интерпретировать как акт первотворения. В его структуру входят жертвоприношения всему пантеону восточных хантов и соседних групп, а также шаманские камлания и обряды гадания. Проведение *мыр* обусловлено различными причинами, но всегда – наиболее актуальными для сообщества. Среди них вопросы войны и мира, взаимодействия с властью, переселение хантыйских семей с территорий нефтепромыслов, взаимоотношения с хантами-неофитами. *Мыр* также выполняет функцию интеграции нескольких территориальных групп или коллективов *ях/ныкыт*, входящих в территориальную группу.

Глава 3 «Традиционные гадания, шаманство, вредоносная магия, заклинания и заговоры» состоит из трех параграфов. В параграфе «Гадания» проведен анализ традиционных гаданий восточных хантов, которые можно охарактеризовать как обращение человека к божествам с целью получения ответов на конкретные вопросы. Нередко гадания входят в состав других более крупных традиционных церемоний – коллективных жертвоприношений,

Медвежьих игрищ, обрядов жизненного цикла. В параграфе также рассмотрены гендерные аспекты, поводы и виды гаданий.

В параграфе *«Шаманство»* охарактеризовано современное состояние шаманства у восточных хантов, которое наблюдалось на протяжении всего рассматриваемого периода, а в настоящее время сохранилось только на правом берегу Оби. В параграфе также описаны поводы камланий, приведены примеры оживления бубна и выведения его из ритуальной практики, условия и обстоятельства получения шаманского дара.

Параграф *«Вредоносная магия, заклинания и заговоры»* посвящен советующим традиционным церемониям. С их помощью человек-ворожей мог оказывать негативное влияние на события или человека. У восточных хантов зафиксирован ряд форм вредоносной магии и заклинаний: воздействие на человека с помощью изготовления изображения *улып*, заклинания в форме проведения границ топором, заговоры с целью причинения неприятностей человеку и нанесения порчи на шаманские способности.

Глава 4 «Мировоззрение: традиция и современность» содержит три параграфа. В параграфе *«Изменения, связанные с культовыми объектами»* дана характеристика современных процессов, связанных с функционированием культовых объектов в условиях урбанизации и индустриального освоения территорий традиционного проживания восточных хантов. Рассмотренные процессы разнонаправленны: в рамках многих из них проявляются адаптационные стратегии сосуществования сакральных ландшафтов и объектов современной инфраструктуры, другие являются иллюстрацией механизма исчезновения элементов традиции. В ряде случаев нарушение преемственности культов приводит к формированию новых моделей отправления ритуалов, которые со временем закрепляются традицией.

В параграфе *«Трансформация мировоззрения и ритуальных практик»* описываются и анализируются примеры адаптации традиционных верований в условиях тесного соседства с современной культурой. На картину мира восточных хантов активное влияние оказывают общественные деятели, исследователи, средства массовой информации. Сегодня среди носителей хантской культуры распространена эклектическая картина мира, сочетающая традиционные и современные воззрения. Нередко символы традиционной веры сохраняются хантами, проживающими в современных населенных пунктах. Известны случаи использования таких символов главами общин восточных хантов в качестве имиджевых ресурсов.

В параграфе *«Конфессиональный фактор: православие, неопротестантизм, ислам»* рассмотрено влияние мировых религий и течений на традиционные верования восточных хантов. С XVIII в. остяки (ханты) официально считаются крещеными. Отдельные православные идеи и обряды оказались

органично адаптированы в систему религиозно-мифологических ценностей обских угров. В постперестроечный период миссионерская деятельность не-протестантских церквей имела среди коренного населения большие успехи. В результате чего сегодня традиционная система верований восточных хантов находится в состоянии конфликта с адептами учений пятидесятников и евангельских баптистов. Следствием этих процессов стали раскол общества восточных хантов, разрыв отношений между родственниками, исповедующими разную веру, сокращение числа брачных партнеров. Вместе с тем известны факты религиозного дуализма – когда принявшие новое вероисповедание ханты продолжают сохранять отдельные традиционные представления и культы.

В главе 5 «Проблемы сохранения культовых объектов» затронуты актуальные вопросы государственной охраны святынь восточных хантов. В параграфе *«Государственная охрана культовых объектов в ХМАО–Югре»* рассмотрен процесс становления системы охраны святынь коренного малочисленного населения региона на протяжении последних 50 лет. Начавшись с постановки отдельных святынь под государственную охрану в качестве верхних горизонтов культурного слоя археологических памятников в 1970-х гг., к первой четверти XXI в. сложился механизм постановки культовых объектов под охрану в качестве объекта культурного наследия РФ.

В параграфе *«Проблема терминологии, наименования и учета»* автор останавливается на комплексе вопросов, связанных с определением и спецификой культовых объектов и памятников. Так, в среде коренных жителей культовые объекты могут иметь несколько наименований, а сакральный ландшафт может включать несколько культовых объектов, связанных между собой, но носить имя одного из них. Разработчики проектов зон охраны и достопримечательных мест вынуждены использовать нормативные термины из федерального и регионального законодательства, не всегда отражающие специфику того или иного культового объекта или священного места.

В параграфе *«Границы, возраст и предмет охраны»* рассмотрены дискуссионные вопросы в этой области. Установлено, что точки зрения коренных жителей, ориентирующихся на традицию, и промышленных компаний, руководствующихся прагматическими соображениями, часто не совпадают. При работе над постановкой культовых объектов под охрану в качестве объектов культурного наследия РФ автор предлагает учитывать почитаемые элементы природного ландшафта (сакральные ландшафты) и места отправления обрядов (ритуальные площадки). Отдельной проблемой является перенесение ритуальных площадок за границы сакральных ландшафтов. В этом случае вне закона остаются действующие ритуальные площадки, имеющие возраст менее 40 лет. Выделен ряд материальных категорий, которые могут рассматри-

ваться в качестве предмета охраны на культовых объектах: (а) объекты археологического наследия; (б) объекты архитектуры и их содержимое; (в) костровища, дары-приклады и предметы культа вне объектов архитектуры (в том числе – котлы, оружие, выведенные из культовой практики хранилища культовых предметов, бубны, изображения божеств и др.); (г) почитаемые элементы природного ландшафта; (д) водные объекты.

В параграфе «*Особенности сохранения культовых объектов в настоящее время*» отмечается, что сегодня, по истечении более двадцати лет работы регионального органа охраны культурного наследия и научно-исследовательских центров, в ХМАО–Югре имеются многочисленные примеры эффективного сотрудничества коренных жителей и недропользователей. Вместе с тем изменение ценностных ориентиров коренных жителей приводит к ослаблению традиций. Тревожной становится усиливающаяся тенденция получения материальных компенсаций хантами при промышленном освоении сакральных ландшафтов.

В **Заключении** отмечается, что в рассматриваемый период традиционные ритуалы восточных хантов сохраняют важные функции, отмеченные еще Э. Дюркгеймом [2018] и А.К. Байбуриным [1993: 30–32]: (1) социализация индивида; (2) интеграция коллектива, (3) воспроизводство традиций, норм, ценностей культуры; (4) психотерапевтическое воздействие, приобретающие значение в случаях, когда коллектив сталкивается с кризисом. Большинство традиционных ритуалов восточных хантов, в ходе которых осуществляются жертвоприношения в адрес божеств, согласуется с теорией дарообмена М. Мосса [2000, 2011]. В их основе лежат реципрокные отношения между миром людей и миром божеств [Мартынова 2022]. В адрес божеств разных миров люди приносят в жертву предметы Среднего мира – созданные человеком или как-либо имеющие отношение к миру человека. В ответ на дары, полученные от человека, божества удовлетворяют его просьбы – каждое божество в своей сфере. При отправлении жертвоприношений на святилищах у восточных хантов сохранился ритуал отдарка – символического обмена жертвенными дарами, некоторые детали и функции которого имеют аналогии с институтом *кула* жителей Океании [Малиновский 2004].

В ходе исследования установлено, что традиционные ритуалы восточных хантов вплоть до начала XXI в. в значительной степени сохраняли свою архаичность. Это проявлялось в их хронологической структуре, в характеристике даров, в отсутствии элементов игры и ограничении категории зрителей. Сегодня традиционные ритуалы восточных хантов претерпели ряд изменений. Зафиксировано уменьшение частотности ритуалов, снижение числа их участников, изменение структуры и качества даров, появление зрителей. Сравнение современного состояния традиционных обрядов хантов Среднего

Приобья показывает лучшую их сохранность на правом берегу и меньшую сохранность на левом берегу Оби, что объясняется спецификой хозяйства: ритуалы мобильных оленеводов правого берега включали большее число участников и были регулярнее, что способствовало сохранению преемственности, обряды охотников левого берега включали меньше людей, следовательно, возможности трансляции традиции здесь были изначально ниже.

На рубеже XIX–XX вв. факторами, оказывающими воздействие на традиционные верования восточных хантов, являлись влияние православия и контакты с русским населением, в XX в. – социальная, образовательная и антирелигиозная политика советской власти, а также миграции за границы территории проживания. Во время промышленного освоения Среднего Приобья 1960-х гг. – начала XXI в. основными факторами выступали урбанизация и отчуждение земель. Сегодня, наряду с перечисленными факторами, влияние оказывают миссионерская деятельность неопротестантов, технологизация и информатизация, социально-экономические контакты с жителями городов. Обозначенные процессы можно рассматривать с точки зрения концепции дрейфа этничности А.В. Головнёва [2009]. Адаптивные механизмы локальной восточнотантской культуры поглощали внешние воздействия и влияния, многие из которых становились её органичной частью.

У восточных хантов наблюдаются три формы трансформации культуры, выделенные В.П. Козырьковым [2003]. Деструктивная — проявляется в том, что традиционное мировоззрение не успевает приспособиться к быстро изменяющейся и постоянно усложняющейся современности. Стагнационная — наблюдается во внешних изменениях верований и ритуалов восточных хантов, без изменения глубинных основ их традиционной картины мира. Конструктивная — в процессе которой возникают новые формы взаимодействия с современностью, что указывает на её адаптационный потенциал.

В вопросе сохранения культовых объектов наиболее эффективным инструментом является законодательство в сфере охраны материального культурного наследия. Законы о сохранении объектов культурного наследия РФ, в отличие от других действующих правовых актов, не только декларируют право коренных малочисленных народов на сохранение своей самобытной культуры, но и имеют чёткий механизм ограничения природопреобразующей деятельности на территориях сакральных ландшафтов. В этом случае традиционная духовная культура получает возможность функционировать не только в форме фольклора (нематериального культурного наследия), но и в материально-пространственном измерении (культовые объекты).

Сохранение сакральных ландшафтов, даже при потере ими значимости среди коренных жителей, можно рассматривать как историко-культурный, экологический и рекреационный ресурс коренного населения Западной Си-

бири. В определении стратегии использования этого ресурса, как и в решении конкретных задач по сохранению культовых объектов, требуется коллективное участие профессиональных экспертов-этнологов, коренных жителей и общественных организаций, региональных и муниципальных властей, промышленных компаний, журналистов и др.

**Основные положения и выводы диссертационного исследования
представлены в следующих публикациях:**

*Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых журналах,
рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования:*

1. Обряды гадания восточных хантов в начале XXI века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (27). С. 194–204 (авт. вклад – 1,1 п.л., ВАК).

2. Культовые объекты восточных хантов в начале XXI в. // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 136–141 (авт. вклад – 0,8 п.л., Scopus).

3. Современные процессы в религиозной сфере восточных хантов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 2 (10). С. 108–124 (авт. вклад – 1,8 п.л., ВАК).

4. Пожары в культуре восточных хантов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 128–137 (авт. вклад – 1,3 п.л., Scopus).

5. Трансформация транспортной инфраструктуры, используемой восточными хантами ХМАО–Югры (в период с 1960-х гг. до настоящего времени) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 1. С. 204–226 (авт. вклад – 1,8 п.л., ВАК).

6. Алкоголь и его функции в культуре хантов Сургутского Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55). С. 224–232 (авт. вклад – 1,5 п.л., Scopus).

7. Коллективное жертвоприношение в ритуальном пространстве восточных хантов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 4 (59). С. 157–166 (авт. вклад – 1,5 п.л., Scopus).

8. Дарообменные отношения в ритуалах жертвоприношения хантов Сургутского Приобья // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. № 3(15). С. 31–48 (авт. вклад – 1,5 п.л., ВАК).

9. Божества и духи в представлениях хантов Сургутского Приобья (по материалам 2002–2017 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4(63). С. 210–219 (авт. вклад – 1,5 п.л., Scopus).

Раздел в коллективной монографии:

Safeguarding Sacred Sites in the Subarctic Zone: Three case studies from Northern Russia // *Experiencing and Protecting Sacred Natural Sites of Sámi and other Indigenous Peoples: The Sacred Arctic*. Springer Polar Sciences Publ., 2017. P. 159–180 (в соавт. с Dudeck S., Havelka R., Terebikhin N., Melyutina M.; общ. вклад – 2,3 п.л., авт. вклад – 0,8 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

1. Об этнографических экспедициях центра «Барсова Гора» в 2004–2006 гг. // *ХМАО в зеркале прошлого: Сб. статей*. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2007. Вып. 4. С. 110–117 (в соавторстве с Н.В. Шатуновым).

2. О типологии и терминологии культовых мест Среднего Приобья // *ХМАО в зеркале прошлого: Сб. статей*. Ханты-Мансийск, 2008. Вып. 6. С. 28–39.

3. Итоги исследований комплекса объектов культурного наследия в южной части Тевлинско-Русскинского месторождения // *ХМАО в зеркале прошлого: Сб. статей*. Тюмень; Ханты-Мансийск, 2008. Вып. 6. С. 56–71 (в соавторстве с Г.П. Ведмидём и Н.В. Шатуновым).

4. Этнографические исследования в рамках проекта зон охраны комплекса объектов культурного наследия в районе озера Им Лор // *ХМАО в зеркале прошлого: Сб. статей*. Томск; Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 8. С. 361–380.

5. Об этнографических исследованиях в Сургутском районе ХМАО-Югры и на сопредельной территории в 2007–2010 гг. // *ХМАО в зеркале прошлого: Сб. статей*. Томск; Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 8. С. 136–144.

6. Сведения об антропоморфных изображениях на деревьях в Сургутском Приобье // *ХМАО в зеркале прошлого: Сб. статей*. Томск; Ханты-Мансийск, 2011. Вып. 9. С. 339–354.

7. Знаки-путеводители по тайге, или к вопросу о новом виде объектов культурного наследия в ХМАО-Югре // *ХМАО в зеркале прошлого: Сб. статей*. Томск; Ханты-Мансийск, 2012. Вып. 10. С. 100–120.

8. О полевых археолого-этнографических работах в Сургутском районе ХМАО-Югры в 2012 г. // *ХМАО в зеркале прошлого: Сб. статей*. Томск; Ханты-Мансийск, 2013. Вып. 11. С. 232–244.

9. Материалы по фольклору тромьеганских хантов: связь мифологии с сакральными ландшафтами // *ХМАО в зеркале прошлого: Сб. статей*. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. Вып. 12. С. 111–123.

10. К этимологии топонимов Сургутского Приобья (река Быстрый Кульёган и ее окрестности) // *Пермистика – 15: Вопросы пермской и финно-*

угорской филологии: Материалы XV Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Ижевск, 2015. С. 81–91 (в соавторстве с Т.Н. Дмитриевой).

11. Сохранение культовых объектов восточных хантов: предмет охраны, границы территории объекта (по материалам Сургутского Приобья) // ХМАО в зеркале прошлого: Сб. статей. Томск; Ханты-Мансийск, 2018. Вып. 16. С. 56–80.

12. Предметы традиционной религии восточных хантов в пространстве музея: современный ракурс // Актуально о музейном: 55-летию Сургутского краеведческого музея посвящается. Сургут, 2019. С. 87–98.

13. Перемещение ритуальных площадок культовых объектов восточных хантов // ХМАО в зеркале прошлого: Сб. статей. Томск; Ханты-Мансийск, 2019. Вып. 17. С. 306–317.

14. Функциональные различия культовых изображений лунк и иттарма в традиционных религиозных представлениях восточных и северных хантов // V северный археологический конгресс. Тез. док. Екатеринбург, 2019. С. 432–434.

15. Олень в современной культуре восточных хантов // Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Международной научной конференции. Тюмень, 2020. Вып. 6. С. 265–267.

16. Изменение социальных взаимосвязей и появление новых идентичностей у восточных хантов в начале XXI в. // Кунсткамера. 2020. № 2 (8). С. 201–211.